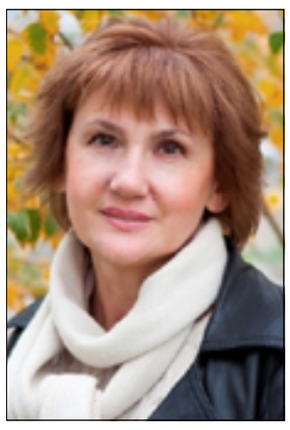
вития, связи и массовых коммуникаций РФ. И которое, оказывается, курирует Союз писателей России, единственный из всех творческих писательских Союзов страны.

В этом контексте нашей связи с Минцифрой мне совершенно непонятно теперь: создаваемые литературные произведения нужно относить к цифровому развитию, к связи или к коммуникациям?! Честно говоря, долгое время эта несуразица казалась даже некой глупостью чиновников. Ведь каждому нормальному человеку ясно: писатели – деятели культуры, но никак не IT-шники, не связисты и не специалисты по коммуникациям. Так в чём же здесь дело тогда? Зачем и почему писательский творческий Союз, в отличие от других творческих Союзов, закреплённых за министерством культуры, отнесён к цифровому министерству? Увы, в этом нет диссонанса, если не

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Разве мы можем согласиться с этим?

К выступлению в Госдуме



только помнить о книгах, написанных машиной, помнить про искусственный интеллект в роли инженера человеческих душ, но и рассматривать современную русскую литературу в системе образовательной и педагогической координат.

Более десяти лет назад из разговора с директором школы в Ростовской области я узнала о том, что на ремонт крыши получить достаточных средств школа не может, а вот на подключение классов к интернету, на прокладку мощных кабелей и приобретение необходимого оборудования для включения в учебный процесс всемирной паутины – выделены суммы в три раза большие. Тогда ещё ни я, ни директор школы ничего не слышали о сверхзадачах программы «Образование 2030» и, конечно, о принятом позже форсайт-проекте «Образование 2030», которые оказались ни чем иным, как «переформатированием» отечественного образования под стандарты ТНК (транснациональных корпораций).

Первые версии «общественных» форсайт-проектов для России проверялись зарубежными экспертам. Результатом этих проектов должны стать так называемые *«люди одной кнопки»*, которым достаточно компетенции пользоваться готовыми сервисами. Для этих людей важнейшим мотиватором становится «заставление», то есть механизмы экономического и внеэкономического принуждения: «Им сказали, посадили, заставили». По мнению эксперта по образованию Ольги Четвериковой, описанный результат кастового образования фактически представляет собой модель современного узаконенного рабовладения: «Людиардеры. Это бизнесмены, владеющие командами лучших специалистов. *Инвестиционный портфель можно собрать не только из акций компаний, но и из акций людей.* Самые подготовленные люди будут всегда хорошо зарабатывать с доходностью отдачи с вложений более, чем с рынка наркотиков. *Людиардеры – это богатые люди, у которых капиталы в пакетах владения людьми»*.

И как, по-вашему, в этот расписанный до мелочей форсайт-проект впишется русская литература, от первой до последней буквы обращённая к человеку, нацеленная на формирование его взглядов, чувств, характера, пробуждения любви к прекрасному, готовности к борьбе за торжество добра и правды? Однозначно – форсайт-проект «Образование 2030» и русская литература, в основе которой православное миропонимание, полностью исключают друг друга… Отсюда конспирологическая версия: чтобы как можно более снизить в воспитании новых поколений роль живого русского слова, писателей и прикрепили к Минцифре. И пазлы сложились: профессии «писатель» в реестре РФ нет, современные литературные произведения выходят мизерным тиражом и не оказывают влияния на общественное мнение, да и сама цепочка писатель-издатель-магазин-читатель давно разрушена. Отсюда всё чаще приходится слышать, что дети после начальной школы не умеют читать!

Это не нужно в будущем людям «одной кнопки». Так что вполне логично в этом случае, что Союз писателей России, несмотря на просьбы литераторов к главе Правительства, до сегодняшнего дня курирует не Министерство культуры, а Министерство цифрового развития. Растут цены на книги, а выпуск книг упал в два раза по сравнению с доковидными временами.

Самое страшное, что российское общество давно привыкло и никак не реагирует на эмоциональные взывания о помощи своих поэтов и прозаиков. Общество смирилось с новыми матрицами поведения. Достаточно легко позабыло семейные книжные шкафы в угоду евростандарту. Да, в нашей стране на площадях книги не сжигали, их просто выбрасывали на свалку. «Есть преступления более тяжкие, чем сжигать книги. Одно их них – не читать их», – сказал как-то Иосиф Бродский. А я бы добавила: ещё одно преступление по умолчанию – *ненаписание* книг. Можно подсчитать количество томов на свалке, узнать, сколько списано в библиотеках, снято с домашних книжных полок и отправлено в утиль или же наоборот – сколько стоит прочитать, если, например, открыть список рекомендованных Союзом писателей произведений для детей. Всё поддаётся счёту. А вот ненаписанные книги – это ресурс, который безнадёжно потерян для всех нас.

Только представьте, вооружившись бумагой и ручкой, вы садитесь и работаете в уверенности, что результат ваших творческих трудов будет опубликован. Что огромный тираж (а насколько я знаю, меньше 30-50 000 экз. в СССР не издавали) удостоится отношения ответственного и профессионального. Что с рукописью поработают и художественные редакторы, и технические, а уж про корректоров и говорить не надо. А далее на книгу откликнутся литературные критики, и по итогу будет выплачен гонорар. Так в советские времена, когда не праздновали ПЕН-клубовские и ЮНЕСКОвские литературные праздники, члены нашей Краснодарской писательской организации издавались в обязательном порядке раз в три года, и гонораров им хватало до следующей книги.

Сегодня же нет никакой уверенности, что удастся опубликоваться за счёт издательства, а не родственников или друзей.

У проблемы есть ещё одна сторона. Вам ведь приходилось слышать, что, мол, раньше-то писатели были куда талантливее, а где ж нынешние звёзды? Мол, не наблюдаются они сегодня. Отчасти можно согласиться. Но не потому, что оскудела земля русская – поверьте члену жюри многих конкурсов, это далеко не так. А вот профессиональной среде по причине отсутствия профессии «писатель», конечно, урон нанесён огромный. Не потому ли сегодня всё больше писательниц – полноценно заниматься литературой могут себе позволить только жёны с мужем-кормильцем. Впрочем, и у художников та же картина маслом.

Книга – наставник наставников! Но, по словам сочинского прозаика Валерия Румянцева: «Исследователи и аналитики пришли к заключению, что современные любители литературы в 90% случаев – люди, которые увлекались чтением ещё до перестройки. И только 10% молодого населения страны посвящает себя чтению». За период с 2000 по 2019 год в России закрылось 13 000 библиотек. Абсолютное большинство семей не имеют домашних библиотек и не покупают книг, повторю, цены на книги поднебесные. Стоит ли напоминать, что без читателя даже наследие Пушкина – это только бумага.

И что нас ждёт впереди? Немые люди, немая эпоха? Разве мы можем согласиться с этим?..

Закон о социальных гарантиях писателям

Из выступления в Госдуме

Игорь ВИТЮК

О переводе Департамента поддержки книжной индустрии из Минцифры в Минкультуры

Чтобы принять закон (а вначале – разработать законопроект) «О социальном статусе и формах государственной поддержки российских писателей» (в разных вариантах названий эта тема обсуждается писателями почти 30 лет), необходима поддержка профильного министерства, курирующего работу писательских союзов. Таким ведомством в настоящее время является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры), в частности – Департамент государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии (далее – книжный департамент).

Главными функциями Минцифры в отношении писателей являются господдержка книгоиздания и литературной деятельности (выделение субсидий на социально значимые издания) и организация выставок и премий в области литературы и книгоиздания.

В то же время представлением писателей к государственным наградам и выдачей стипендий писателям (примерно каждому пятидесятому в творческих союзах) занимается Министерство культуры России, хотя курирует работу писательских союзов именно Минцифры.

Процитирую заместителя председателя Комитета по информационной политике Госдумы Андрея Свинцова (именно этот комитет курирует работу Минцифры): *«Такая ситуация исторически сложилась: было Министерство печати, потом печати и массовых коммуникаций. Потом оно трансформировалось в Министерство цифрового развития, перегружено цифрой – в широком смысле слова. Это мобильная связь, интернет, соцсети, программное обеспечение. Там колоссальная нагрузка, огромные деньги. И там, где-то внутри, есть небольшой «книжный» департамент, о котором мы в Комитете ничего не знали (а я уже 7 лет являюсь замруководителя этого Комитета)».*

Главным аргументом для перевода книжного департамента из Минцифры в Минкультуры является мощный тезис о том, что кино, театр, опера, песенное искусство, в основе которых лежит литература, находятся в ведении Минкультуры, а сама литература – в ведении Минцифры, где и по задачам, и по располагаемым финансовым ресурсам занимает самое скромное место. Это – аргумент методологического федерального уровня.

Есть ещё один аргумент национального и даже международного масштаба. Его в своём выступлении «Литература требует перезагрузки» обозначил Андрей Рудалёв – это господствующий монополизм антироссийского, либерально-западного дискурса в художественной литературе, которую активно поддерживало Минцифры.

Я же остановлюсь на третьем аргументе – рассмотрении того, кто же реально помогает писателям и организует литературные процессы на региональном уровне на опыте Московской области, где я сейчас возглавляю творческую мастерскую «Летящее перо» при Московской губернской универсальной библиотеке, а до этого – более десяти лет работал в составе Коллегии Минкульта Московской области. Впрочем, в других регионах России ситуация с поддержкой литературы примерно такая же (со своими региональными отличиями).

Во всех субъектах Федерации именно региональные министерства культуры во взаимодействии с региональными отделениями писательских союзов организуют литературные процессы, выделяют субсидии на издание книг местных авторов, выплачивают писателям гранты или стипендии, организуют конкурсы на соискание региональных литературных премий, организуют литературные фестивали, «дни книги» и другие массовые мероприятия, пополняют библиотечные фонды книгами местных авторов. Операторами этой деятельности выступают либо региональные библиотеки, либо региональные дома литераторов (в ряде республик и областей они существуют в качестве бюджетных учреждений). Аналогично выстроена работа и на уровне муниципальных образований, где ею занимаются управления (отделы) культуры.

То есть, по факту реальное управление литературными процессами на местах и государственная поддержка писательской работы осуществляется региональными и муниципальными органами культуры, а не структурами, отвечающими за цифровое развитие, связь и массовые коммуникации.

Отсюда следует, что и федеральный уровень должен соответствовать реальным управленческим практикам в сфере литературы, а не существующей ситуации.

Четвёртым аргументом в поддержку перевода писателей в Минкультуры является то, что Минцифры не проявляет никакого интереса к разработке законопроекта «О социальном статусе и формах государственной поддержки российских писателей», а Минкультуры готово включиться в совместную работу с депутатами Госдумы и писателями.

Оппоненты перевода писателей в Минкультуры считают, что Минцифры руководит отраслью «книгоиздание и книготорговля». На самом деле в подчинении у Минцифры всего одно ФГУП Издательство «Транспорт». Остальная деятельность направлена на господдержку книгоиздания и литературной деятельности путём распределения субсидий между издательствами, подавшими соответствующие заявки. При этом решения о выдаче субсидии или об отказе принимают экономисты, менеджеры, финансисты, IT-специалисты, но никак не деятели культуры и представители писательских союзов. Это нелогично.

Ещё один упрёк оппонентов: мол, вы бы ещё цирковых клоунов, альтистов, трубачей или народных артистов передали в Минкультуры! Но всё дело в том, что они и так находятся в ведении Минкультуры, поскольку состоят в союзах театральных деятелей, композиторов, кинематографистов и др., деятельность которых курирует Минкульт. Так что и этот довод несостоятелен.

Более того, если в рамках неизбежной реформы Правительства, которая произойдёт после выборов Президента России, разделить Департамент государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Минцифры на два департамента и «книжный департамент» в полном составе включить в Минкультуры, то такая реформа не потребует ни дополнительного финансирования, ни больших административных издержек.

Полагаю, что высказанные выше аргументы убедили уважаемую аудиторию в целесообразности перевода «книжного департамента» в состав Минкультуры.

Закон «О социальном статусе и формах государственной поддержки российских писателей»

Итак, после передачи «книжного департамента» из Минцифры в Минкультуры открывается возможность для конструктивной работы над законопроектом «О социальном статусе и формах государственной поддержки российских писателей».

Этот Закон необходим, чтобы определить понятие профессии «писатель», после чего Минтруд внесёт её в «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов». Также в Законе должны быть определены порядок формирования трудового стажа писателя, начисления пенсионных баллов и другое.

Именно в этом Законе должны быть прописаны правила присвоения статуса профессионального писателя. Особенность в том, что в настоящее время в признанных государством писательских союзах (они стали учредителями Ассоциации Союзов писателей и издателей России: Союз писателей России, Союз российских писателей, Союз писателей Москвы и Союз писателей Санкт-Петербурга) состоит около 20 тысяч литераторов. И совершенно очевидно, что все они не смогут получить статус профессионального писателя, которому государство гарантирует поддержку, в том числе и финансовую.

Поэтому в Законе должен быть прописан (хотя бы в общих чертах) порядок присвоения статуса профессионального писателя.

Также в Законе должны быть указаны базовые меры поддержки писателей, книгоиздания и книгораспространения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (об этом я говорил в первой части своего выступления).

Должен быть определён статус Общественного совета по государственной поддержке писателей (далее – Совет), в функции которого входила бы деятельность по присвоению статуса профессионального писателя, а также определение перечня социально значимой литературы для государственной поддержки издательств, претендующих на субсидии (в настоящее время эти функции возложены на Минцифры России).

В указанный Совет могли бы быть включены сотрудники Минкультуры России, представители четырёх писательских союзов, которые вошли в число учредителей Ассоциации союзов писателей и издателей России, а также видные гуманитарии.

В Законе нужно указать на необходимость создания государственного издательства (далее – Госиздат) художественной литературы (именно – чистого издательства, без полиграфических мощностей, поскольку сейчас на рынке достаточно как коммерческих, так и государственных (региональных) типографий). Задачей Госиздата будет издание социально значимой художественной литературы, которую игнорируют коммерческие издательства, но которая, по мнению Совета, должна быть выпущена в качестве госзаказа массовыми тиражами и распространена по библиотекам страны, подведомственным Минкультуры (их в стране более 40 тысяч), а частично – через книготорговую сеть. При этом выручка от продажи книг через книготорговые предприятия должна аккумулироваться и поступать в Госиздат для выплаты гонораров авторам и для новых книжных проектов.

В законе должен быть определён минимальный авторский гонорар за авторский лист (40 000 знаков с пробелами), привязанный к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ) в качестве единицы измерения. Размер гонорара (половина МРОТ или несколько МРОТ) – это предмет обсуждения при подготовке законопроекта (кстати, МРОТ в 2024 г. составляет девятнадцать с небольшим тысяч рублей). Эта сумма должна быть минимальной и обязательной к выплате всеми издательствами, когда издательства приобретают у автора права на издание его текстов. Конечно же, это не касается случаев, когда автор сам платит издательству за выпуск своей книги.

Если сказать коротко, то Закон должен создать условия для получения писателями заработка, трудового стажа и пенсии.

О критериях присвоения статуса профессионального писателя

Когда речь заходит о включении профессии «писатель» в «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов», возникает вопрос: «А каковы критерии присвоения литератору статуса «профессиональный писатель?».

Мы детально обсуждали этот вопрос с поэтом, прозаиком, литературным критиком Сергеем Арутюновым. Он сегодня не смог присутствовать на нашем заседании, поскольку сейчас прощается со своим учителем, профессором Литинститута Владимиром Смирновым, ушедшим из жизни 8 февраля.

Но его точка зрения на проблему уже представлена в этом номере.

Вывод: законодателям не нужно вносить изменения в пенсионное законодательство (и др. законы), поскольку у профессионального писателя просто появляется работодатель в лице Минкультуры России (или региона). И одного-единственного закона «О социальном статусе и формах государственной поддержки российских писателей» достаточно для решения накопившихся проблем.

В чаянии будущего обустройства русской литературы

Заметки самочинного реформатора

(Начало – стр. 1)

Речь не идёт о том, чтобы вы в барском халате с утра подслеповато наблюдали бы падение десятков тысяч снежинок, щурились, морщились и досадливо думали о том, что скорее бы пришёл вечер, а о том, чтобы вы каждый день знали, что вы нужны родной стране и она платит вам жалованье за вашу работу. Писатель, словесник (минимум по диплому филолога, литературного работника) – это уже кто-то, а не презираемый всеми и вся никто. Статус.

Молодой писатель, стало быть, фигура, которая может и мыслить, и страдать на письме.

– Да почему ж не сразу в профессионалы?

– А почему, милые, не сразу на почётную персональную пенсию лет с двадцати двух? Именно потому, что взрослеете вы теперь годам к тридцати, а молодёжью по закону перестаёте быть аж в тридцать пять, когда люди в Российской империи считались чуть ли не стариками.

Когда истекает у вас прописанный законом возраст молодёжи, и идите в профессиональные писатели, если уже точно видите, что не хотите для себя ничего другого.

Ставка молодого писателя вряд ли будет значительной, да и потом, в профессионалах, десяти МРОТ она точно стоить не будет, но для минимально опрятного существования при жёсткой экономии средств она будет не лишней, особенно если очередной крупный государственный заказ по вашему ротозейству снова пролетел мимо.

– Что за заказ?

– Государственный литературный заказ (ГЛЗ) будет формироваться на специальном портале, где вы будете простыми и привилегированными в зависимости от заслуг пользователями. Открывая его с утра, получая уведомления с него, вы будете совершенно точно знать, что от вас требуется.

– И сборник стихотворений? И просто стихотворение?

– Да что угодно! Будут среди вас и свои воротилы, конечно, и прохиндеи, но система будет единой.

– А зачем? Разве, как сегодня, не прикольно?

– Прикольно. А хочется, чтобы было разумно. Главное в том, что вашим работодателем станет государство.

– Не хотим служить государству!

– Тогда вам в другую страну.

***

Без портала словесников (база пользователей, база проектов, раздел размещения заказов, раздел экспертизы выполненных работ и контроля качества, платежей…) структурировать работу сегодня вряд ли получится. Будут на первых порах и сбои, и скандалы-интриги-расследования, но пронесётся год, пройдёт и другой с третьим, и «войдёт в практику».

– А без профильного образования что, нельзя?

– Можно, но право быть молодым писателем надо доказать на примерах своих работ. Изданных, вызвавших интерес независимых критиков. Правда, просто?

Не думайте, что вас будет много. Нам только кажется, что Русь обильна. Давным-давно нет, и в словесности друг о друге кто-то что-то наверняка слышал и сегодня.

Государственный литературный заказ

Важнее всего понимать, каков механизм формирования ГЛЗ, кто его формирует, а также кому и как поручает исполнить.

Государственное литературное агентство (ГЛА) вполне было бы способно заняться тематическим планом ГЛЗ.

В общих чертах ГЛЗ – это:

– не менее десяти романов о современности,

– не менее тридцати исторических романов,

– не менее пятидесяти великолепных технически и ментально сборников стихотворений,

– не менее десяти пьес о современности,

– не менее ста коллективных и тематических сборников стихотворений и прозы,

– сотни рецензий на классическую и современную словесность,

– а также поистине огромное количество переводов

– и многое другое…

Если идти путём «тендерным», то заказ вероятнее всего получит аффилированное с руководством лицо, и потому процедуру анонимизации заявки следует разработать с ещё большей тонкостью, чем при разработке процедуры распределения государственного заказа в других секторах экономики.

Из «плюсов»: в боях за «надлежащее исполнение ГЛЗ» выработается класс работников, способных служить своей стране, а не отвлечённым идеям.

При оценке художественной словесности следует помнить одно: критическое осмысление событий в стране – это вовсе не платное злопыхательство на её счёт.

Статус профессионального писателя

Напрасно говорят, что государство – монстр, и якобы безлично к частным людям. Все эти «руки брадобрея» – плод неформальных и уходящих за грань закона контактов.

За всё, что у нас происходит, ответственны совершенно конкретные люди, и разработать чёткий конкретный функционал для чиновничества в сфере литературы не представляет никакой сложности. Другой вопрос, что блюсти регламент человеку бессовестному и поверхностному относительно просто, а вот почувствовать, халтура или действительно великий труд перед ним, уже сложнее, если нет ни вкуса, ни совести, одни «левые» доходы на уме. Государственное управление культурой в России сегодня опирается во многом на те самые личные связи, «наработанные контакты», а оценку текста машине ещё не доверишь, и потому только самые неистощимые в страсти к словесности должны допускаться в святая святых – государственную приёмку и цензуру. Здесь мало не ругаться матом и не описывать соитий или не призывать убивать царей – каждая строка профессионала обязана быть исполненной с полным осознанием того, что именно ею прирастает язык времени и, следовательно, вечности. О критериях слова художественного, а не реферативного как-нибудь позже… отдельной статьёй.

Представьте, что к своим тридцати пяти вы уже опытные исполнители – вот момент, в который вы подаёте документы на статус профессионального писателя. Жест означает, что ничем другим вы в своей жизни заниматься не намерены. Два-три МРОТ, и вперёд, в реестр профессиональных писателей.

Комиссия по согласованию и присвоению статуса профессионального писателя рассматривает ваши труды и выдаёт экспертное заключение, которое вы в случае неудачи оспариваете при помощи независимой экспертизы.

Неудачам также, по-моему, огорчаться не стоит: выигрываете в обоих случаях – то вы в системе, то гонимый ею «за правду». Всё биография.

***

Министерство культуры Российской Федерации, куда писательство рано или поздно передадут, будет вашим шефом, что бы ни случилось. Департамент словесности создан так или иначе будет, и портал словесников создадут на его балансе, и заказ будет выставлен там во всей своей полноте без малейших утаек.

Подтверждённый статус будет выдаваться на три года или пять лет вперёд. Захотите уйти в смежные или совершенно перпендикулярные сферы – никто не держит. Свобода.

За длительную работу на государство – до 65 лет по закону – вам начислят и нормальные пенсионные баллы, и предоставят какие-то вычеты из налогов, и другие какие-нибудь не слишком наглые льготы, а главное – обеспечат работой, которую можно любить или не любить, но жить, благодаря ей. На вашем месте я бы взял два или три заказа, а если бы не справлялся (охладевал к идее), то передавал бы его через портал другому братскому исполнителю.

Как минимум то, что вы в случае разработки моей «реформы» не будете валяться под забором и гибнуть со стихотворными строками или чёрной руганью на устах, мне, может быть, зачтётся там, откуда не возвращаются.

Ответственное за свою литературу государство возьмёт на себя отчасти и ваши медицинские хлопоты, и даже, представьте себе, похоронные, и изредка будет награждать вас особенными значками за доблестный труд именно в словесности. «Всё, как у людей».

Раз в три года или пять лет вы всего-то:

– выпускаете книгу малой прозы или две книги стихотворений – да хоть роман-эпопею,

– пишете дюжину статей, посвящённых различным гуманитарным вопросам, но лучше всего – связанных непосредственно со словесностью и не новостного или реферативного (компилятивно-перечислительного) характера, а содержащих собственные аналитические размышления и выводы,

– организуете полдюжины крупных мероприятий (литературных чтений, фестивалей),

– ездите по стране с просветительскими лекциями и представлениями лучших изданий,

– консультируете непрофессиональных писателей с глубокой проработкой предоставленных рукописей,

– редактируете, корректируете рукописи, присланные персонально вам порталом, да и вообще творите то, что называется «литературной работой».

Абсолютный профессионал

И вот вам – непредставимо, невероятно! – прозвонило в большой соборный колокол 65 лет. Вы отработали на государство всю свою сознательную жизнь. Можно ли прийти в писательство позже? Ну конечно же, да. И в сорок, и в пятьдесят вполне возможно вторгнуться в него, оставив другие сферы… русские князья уходили из жизни монахами. И точно так же в пятьдесят (наверное, не позже) можно пятнадцать лет подряд подавать отчёты о сделанном, чтобы в 65 лет иметь общегражданскую, но всё-таки пенсию словесника согласно свидетельству.

Она мало чем будет отличаться от средней, «и всё же, всё же» – на душе будет немного светлей.

Огосударствление одинокого труда

Вас, вольных, надменных, презирающих подёнщину, может несказанно злить и государство, и цензура, и произвол, и «усмотрение», без которого наверняка не обойдётся, и весь вал нестроений, который непременно обрушится на вашу будущую судьбу, но я же никого не гоню в концлагерь и тем более в адские печи крематориев, а всего-навсего пытаюсь дать людям своего типа кусок нормального хлеба и не вижу иных путей, кроме как описанный мной.

Виниться не собираюсь, головы не клоню: перед вами – график жизни, которую можно просчитать, принять или отвергнуть, но целая сфера со своими несправедливостями и благами, позволяющая не предаваться отчаянию круглые сутки, как делал некогда и я, и многие из нас, и некоторые не выдержали. Их мне жаль точно так же, как жертв доисторического периода русской словесности, который мы ещё ни в себе, ни в управлении сферой не только не изжили, но даже не мыслим себе иной жизни. А она есть.

Цивилизованное состояние словесности подразумевает не только централизацию, но и вообще легализацию писательского труда как сферы, в которой работник оперирует не лопатой, молотом или мотыгой, а только словом, и словом художественным, пылким, воздействующим на сознание, чувства и память.

У журналистов своя свадьба, согласитесь, и у всех она своя, и отчего бы не сделать на своей улице праздника, не понимаю.

Сергей АРУТЮНОВ